

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Поиграли,
и хватит

ЭКМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Поиграли и хватит

«Научная книга»

2003

Серова М. С.

Поиграли и хватит / М. С. Серова — «Научная книга»,
2003 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Что знал студент-африканец, выбросившийся из окна общежития в ночь после похищения любимой девушки? Был ли он ненужным свидетелем? Или в его руки попали неопровержимые улики, позволяющие изобличить преступника? Чтобы ответить на эти вопросы, председатель землячества студентов островной республики нанимает частного детектива Татьяну Иванову. Распутывая хитросплетение трагических обстоятельств, она приходит к выводу, что студент был отравлен сильной дозой наркотика и выброшен из окна. Татьяна знает кто «помог» юноше умереть, но чтобы доказать это нужны неоспоримые улики...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Поиграли, и хватит

Глава 1

Тринадцатый пассажир

Последняя электричка на Тарасов тащила сквозь непроглядную ночь. Подняв воротник ветровки, я почти прижалась носом к грязному стеклу, чтобы не скользили по моей хмурой физиономии случайными взглядами случайные попутчики. Да и мне самой сейчас никого не хотелось видеть: моя молодая жизнь дала трещину. Неглубокую, правда, но, неожиданно для меня самой, довольно болезненную.

Потому и оказалась я нежданно-негаданно в продуваемом всеми ветрами вагоне пригородной электрички. А ведь могла бы сидеть сейчас у камина, поставив ноги на шкуру белого медведя, и в моих глазах, увлажненных изрядным количеством выпитого коньяка, отражался бы танец огненных языков... Такой вот намечался чудесный субботний вечерок на даче у моих старых друзей, в тихом семейном кругу. Как говорится, был готов и стол, и дом. Иногда такие вечера ох как нужны! И надо ж такому случиться, чтобы именно в этот вечер к Поляковым нагрянул еще один гость – незваный! Некий субъект, с которым я, несмотря на всю его неотразимость, не желала не то чтобы ночевать, а ни минуты оставаться под одной крышей.

Я не собиралась признаваться себе, что настоящей причиной моего гнева было даже не вероломное появление Игорька, а то, что появился он в сопровождении тяжеловоза женского пола с лошадиной фигурой, лошадиными зубами и лошадиным же смехом. Ее единственное преимущество передо мной – я имею в виду лошадь – заключалось в том, что она моложе на «целых» шесть лет.

Вот уж не думала, что все это так на меня подействует! Но – подействовало. И это несмотря на то, что прошло уже почти два месяца, как я бросила (сама!) этого поганца по призыванию и мастера спорта по теннису по квалификации. Он был явно герой не моего романа, и все у нас ограничилось лишь «заглавием».

Но видеть моего... пардон, бывшего моего породистого жеребца в одной упряжке с такой лошадью... Нет, это уж слишком! И поскольку вновь прибывшие определенно не торопились назад к цивилизации, пришлось поторопиться мне. Я поблагодарила хозяев за гостеприимство и объявила, что намерена вернуться в город тотчас же. Лешка и моя тетка Танюшка, добрые ребята, искренне расстроились, но уговаривать не пытались: они меня знали достаточно хорошо. Алексей Михалыч только посетовал, что не сможет доставить меня до дому на машине по причине «окосения первой степени». Но, слава богу, в вагон на глухом разъезде он впихнул меня вовремя.

И вот теперь я тряслась вместе с этим вагоном на стыках рельс, прижимаясь носом к стеклу и зябко кутаясь в курточку-ветровку. И ругая ругала себя за то, что слишком легкомысленно отнеслась к предупреждению судьбы, полученному сегодня утром, при гадании на предстоящий уик-энд. На трех двенадцатисторонних цифровых костях, а это и есть мой излюбленный способ гадания, выпала такая комбинация чисел: 2 + 18 + 27.

На словах это означает буквально следующее: «Если вас ничто не тревожит, готовьтесь к скорым волнениям». Память у меня профессиональная, то есть – без ложной скромности – великолепная, и мне не часто приходится заглядывать в книгу Федосеева «Числа и судьбы», чтобы перевести магический язык цифр на обычный русский.

А меня в этот самый момент как раз-таки ничто не тревожило, если не считать крана на кухне, внезапно давшего течь, да изредка посещающих меня воспоминаний о последнем дельце, которое я завершила неделю назад. Уж тогда-то мне пришлось поволноваться, да еще как! Прежде всего – за собственную жизнь. И все же не могу сказать, что воспоминания, «тревожащие» меня, были сплошь неприятными. Дело в том, что младший брат моего клиента, которого семейные неприятности заставили срочно прилететь из Америки, оказался славным парнем и мы с ним неплохо поладили. Настолько неплохо, что рана, нанесенная моему сердцу стервецом-теннисистом, зарубцевалась очень быстро и почти без следа. Во всяком случае, так я думала до сегодняшнего вечера.

Словом, все эти «тревоги» по большому счету были, разумеется, никакие не тревоги, и потому предсказание магических косточек слегка насторожило. Стало быть, надо готовиться к скорым волнениям? Так-так... Нам не привыкать. Только по привычке я подумала о работе, о каком-нибудь предстоящем новом деле. Но уж никак не ожидала, что так разволноваться мне придется прямо сегодня и прямо на даче Поляковых!

Нет, ну каков все-таки негодяй: притащить эту кобылу на «очную ставку» со мной! Да еще вести себя так, будто это мы все у него в гостях... Лешка будет просто последний лопух, если завтра, на трезвую голову, не выскажет своему дружку, что он форменная скотина.

Черт!!! Не хватало мне еще, ко всем волнениям, разбитого лба!

Резко дернувшись, электричка замерла возле очередной безымянной платформы. Боже мой, у каждого столба останавливается... Я была в полной уверенности, что в чернильной черноте за окнами вагона нет ни единого идиота, который, понадеявшись на последнюю электричку, проторчал бы на своей фазенде допоздна. Конец сентября никак не назовешь пиком дачного сезона; видимо, сорок минут назад я стала последним – восьмым идиотом, отправившимся в ночное путешествие.

Однако я сильно ошиблась! Из тамбура послышались голоса, потом замелькали тени. И в тот момент, когда поезд тронулся с места, в вагон ввалилась целая компания. Да какая! Она была настолько примечательна, что даже я враз позабыла о своих растрепанных чувствах.

Вошедшие, а их было четверо, разместились неподалеку от меня. Мне было прекрасно их видно. Ничего себе! Для моего родного города Тарасова, еще не так давно закрытого для иностранцев, негры уже несколько лет как перестали быть экзотикой. Но для полупустой пригородной электрички, в девять вечера, в сентябре!.. Интересно, что они делали в таком глухом месте в этот час?

Впрочем, неграми – вернее, мулатами, один потемнее, другой почти совсем белый – были только ребята. Их подружки выглядели и разговаривали как самые обыкновенные тарасовские девчонки. Обе, в полном соответствии с традиционными вкусами негров, были белокожие блондинки. Та, которую друзья называли Светой, с длинной толстой пшеничной косой, была повыше и покрупнее, с надменными чертами красивого лица. С нею рядом по-хозяйски уселся, взяв за руку, «бледнолицый» – стройный красавчик с огромными карими миндалевидными глазами и пухлыми чувственными губами. Вся нижняя часть его круглого мальчишеского лица была покрыта мягкой шелковистой растительностью, которая на висках сливалась с зачесанными назад длинными волнистыми волосами, иссиня-черными и блестящими. Бородка делала его старше, в натуре же парню вряд ли было больше двадцати трех – двадцати четырех лет. На «классического» негра он походил так же мало, как, скажем, и на истинного арийца.

В томных очах «красавчика» я не заметила, однако, особой остроты интеллекта. По всей видимости, этот пробел природы Господь компенсировал внешними данными. Но зато – как щедро! Я невольно задержала взгляд на этом парне чуть дольше, чем того требовала просто наблюдательность. Это, разумеется, не осталось незамеченным: не особенно стесняясь своей подружки, жгучий брюнет ответил мне таким же заинтересованным взглядом. Только в отличие от меня свой интерес он даже не пытался скрыть.

Чтобы его Светочка, которая уже выказывала признаки беспокойства, не вцепилась мне, чего доброго, в волосы, я лениво переменяла позу и как можно равнодушнее отвернулась от арендованной ею собственности. Не будучи расисткой, я тем не менее никогда не одобряла наших русских девчонок, гуляющих с «цветными». Но, черт меня подери, эту девчонку я могла понять! Рядом с ее дружкой Майкл Джексон показался бы просто боем из отеля.

Другую пару, расположившуюся напротив, можно было принять за прислугу – в основном из-за впечатления, которое производил второй африканец. Он был примерно того же роста и того же возраста, что и «бледнолицый» (а впрочем, черт их разберет!), но гораздо темнее кожей. И телом поплотнее, и вообще как-то проще, незаметнее. Пожалуй, его несправедливо было бы назвать – Господи, прости! – обезьяной, но и любоваться его плебейской губастой физиономией как-то не хотелось. Да и сам он, мне показалось, старался держаться рядом с «красавчиком» как можно незаметнее.

Про себя я сразу окрестила этого второго «рабом»: вполне хватило того факта, что именно он втащил в вагон весь багаж компании – два увесистых рюкзака и спортивную сумку. Весь его облик выражал при этом привычную готовность услужить. А «красавчик» порхал налегке, как мистер Твистер. Еще бы не раб!

Девушка, сидевшая рядом с «рабом» и изредка о чем-то тихо переговаривавшаяся со Светой, была пониже росточком и несколько миниатюрнее, а в общем, тоже миленькая. Ее рыжеватые волосы, забранные в «конский хвост», были перехвачены яркой оранжевой повязкой.

Вся студенческая четверка – ну конечно, они студенты, кто ж еще? – была одета по моему образу и подобию – для загородной прогулки. О том же говорила и покляжа. Да только вот лица у новых пассажиров были хоть и усталые, но вовсе не довольные, что было бы вполне естественно после веселого пикника. Напротив: все четверо выглядели расстроенными и встревоженными, особенно «красавчик» и «рыженькая». Между собой говорили мало и почти шепотом, так что я едва разобрала несколько слов. Пожалуй, что-то у них там, на этом пикнике, не сложилось.

А, да черт с ними, с этими африканцами и их девицами! Мне-то что до них? Поскорей бы добраться до дому, влезть в горячую ванну, расслабиться и «смыть» с себя этого мерзавца Игорька вместе с его «мастером по конному спорту»...

Я снова прижала нос к холодному стеклу. «Огни большого города» уже явственно угадывались далеко впереди. И в этот миг мои ноздри уловили в гуляющем по вагону ветре примесь табачного дыма. Его источник находился, конечно, в тамбуре, откуда всего несколько минут назад вошли экзотические пассажиры. Боже мой, вот чего мне, оказывается, не хватало всю дорогу! Я нашарила в боковом кармашке сумки пачку легких сигарет с ментолом и двинулась на запах.

Боковым зрением я уловила, что мужчина, прислонившийся к стенке у наружной двери, рядом со стоп-краном, довольно высок. Огонек его сигареты мерцал где-то на уровне моей макушки. Лампочка в тамбуре, конечно, не горела, поэтому, чтоб разглядеть курильщика получше, мне надо было бы уставиться на него и ждать встречного фонаря. Но разглядывать его я не собиралась, а просто отошла к противоположной двери, зажав в зубах свою ментоловую сигаретку. И тут только сообразила, что у меня нет огонька.

Наверное, все-таки придется обернуться.

– Пожалуйста! – услышала я у себя за спиной приятный голос с каким-то непонятным, но тоже приятным акцентом.

– Спасибо.

Я наклонилась к маленькому пламени протянутой мне зажигалки, прикурила и только тогда подняла глаза, чтобы взглянуть в лицо этому парню. И... не увидела его лица: только белки глаз и белые зубы, приоткрытые в вежливой улыбке. Сигарета чуть не вывалилась у меня

изо рта. В этот момент за моей спиной промелькнул фонарь, на секунду осветив тамбур ярким светом, и я не смогла сдержать тихий возглас изумления. Должно быть, тринадцатый пассажир вагона неверно его истолковал.

– Я испугал вас? Простите, девушка!

Негр – а этот был уже самый что ни на есть «классический» – смущенно улыбнулся и добавил, неопределенно махнув рукой с сигаретой:

– Я не подумал, что я такой же черный, как эта ночь.

Ого! Мало того, что мы говорим на отличном русском, так мы еще и не лишены чувства юмора!

– Бросьте, меня испугать не так легко. Я просто не ожидала. А что касается внешности, то вы очень даже симпатичный парень.

– Спасибо. Вы добрая девушка. Только не все так думают.

– Что, не везет в любви?

– В любви? – Он опять улыбнулся, но его большие телячьи глаза блеснули печально. – Да, в любви тоже. Но лучше сказать – просто не везет. Особенно сегодня.

На это мне нечего было возразить, и мы помолчали. Фонари теперь мелькали все чаще, так что я смогла хорошенько разглядеть случайного собеседника.

Вот уж никогда бы не подумала, что мне доведется назвать негра симпатичным парнем! И, главное, не очень при этом соврать. Должно быть, по параметрам своей расы он был даже настоящим Аполлоном. Только вот параметры эти, увы, не в моем вкусе. Кроме роста и сложения, разумеется: что-то, а фигуры у черных мальчиков, как правило, просто обалденные! Насколько я могла судить, у этого индивида под потертым джинсовым костюмом тоже все было в порядке. Но привлекало в нем даже не это, а прежде всего выражение лица: какая-то удивительная смесь детской наивности и мужественности, приправленная несомненным благородством ума. Черт его знает, что именно в его облике позволило мне сделать столь смелое заключение, но я была уверена, что с этим парнем можно пойти в разведку.

Надо сказать, я с детства умею неплохо разбираться в людях. Обычно определяюсь с первого взгляда, максимум – со второго. А любимая профессия развила эту мою природную способность почти до совершенства. Конечно, я не экстрасенс и не умею видеть ауру человека и по ее оттенкам определять, какие черные преступления он уже совершил или совершит в будущем. У меня другие, более традиционные, методы выявления преступников. Но общий, так сказать, «знак» человека – «плюс» или «минус» – вижу сразу. Чтобы припомнить все случаи, когда я ошибалась, хватило бы пальцев одной руки.

В общем, меня удивило не то, что я сразу почувствовала расположение к попутчику, курившему рядом со мной в тамбуре вагона, а только тот факт, что этим «избранным» оказался на сей раз негр. А впрочем, что ж тут удивительного? Человек – он и в Африке человек. Я же сказала, что не расистка...

Однако почему же этот без подружки? Ах да, он же сказал, что ему не везет в любви.

Между тем «шоколадка»... Кстати, у него и цвет кожи был вовсе не безобразный: не землисто-черный, а какой-то теплый, отчего она казалась прозрачной – это я рассмотрела даже в полумраке тамбура. Так вот: шоколадный мальчик поглядывал на меня так, как будто ему хотелось продолжить общение. Что ж, я не против была.

– А вы прекрасно говорите по-русски. Где учитесь?

– В медицинском. Моей стране нужны врачи. Но русским языком я занимаюсь с детства. У меня была хорошая учительница: моя мама русская. Она была родом с Волги.

Я присвистнула. Ну, теперь-то мне понятно, почему я сразу почувствовала в этом парне что-то родное!

– Вот оно что... И каким же ветром ее занесло в Черную Африку?

– Это долгая история. Может быть, когда-нибудь я вам расскажу... если будет такая возможность.

Его губы снова тронула грустная улыбка: он помолчал с минуту, глядя куда-то мимо меня, а когда опять заговорил, голос его дрогнул:

– Мама умерла восемь лет назад. Наши доктора не смогли ее вылечить. Мы жили в маленьком городке, в провинции, и, пока отец собрал денег для поездки в столицу, было уже поздно... Тогда я и решил, что стану только врачом.

«Землячок» нравился мне все больше. Благородная душа!

– Но о том, чтобы поехать учиться в Союз, я не мог и мечтать. – Парень и не заметил, как назвал нашу страну ее прежним именем; наверное, в детстве мама рассказывала сыночку прекрасные истории о своей великой Родине... – Однако мне повезло. Когда уже поступил в университет, выиграл конкурс на право продолжать учебу в Советском Союзе... ах да, в России. Конечно, учли и мое происхождение, и то, что я неплохо владею русским языком. Так я и оказался здесь – почти что на родине матери. Сейчас уже на третьем курсе. Собираюсь стать хирургом.

Его славную физиономию, всего пять минут назад испугавшую меня в темноте, осветила очередная белозубая улыбка, на этот раз она была просто располагающей.

– Ну вот, я вам все о себе и выболтал! Только мы, кажется, до сих пор не познакомились? Я Александр. Александр Ренуа. А вас как зовут?

– Таня. – Мы со смехом пожали друг другу руки. – Предлагаю для удобства перейти на «ты», Саша. Ведь я могу называть тебя Сашей?

– Конечно. Мама так и звала. Они с отцом долго спорили, как меня назвать. Она хотела дать мне русское имя, а отец предлагал что-нибудь свое, местное: я же получился похожим на него. В конце концов остановились на международном имени Александр, и все остались довольны. В том числе и я.

– По-моему, Саша, ты не сказал еще одну важную вещь: в какой же все-таки благословенной стране прошло твое счастливое детство?

– В самом деле?! Вот всегда я так: самое главное обязательно забуду...

Саша Ренуа назвал государство, о котором я знала только то, что оно – остров. Остатки школьного курса географии еще не окончательно выветрились из памяти.

– А страна и правда замечательная, Таня! Я ее очень люблю. Скучаю по дому, по отцу и сестрам... Мне нравится Россия, но все-таки я африканец, и мое место там, дома. Мы все из одной страны: я, Нари и Роджер. – Саша кивнул внутрь вагона.

– Они тоже учатся с тобой?

– Нет, в политехе. И девушки с ними – Света и Наташа. И Оля тоже.

Последнее имя он произнес после небольшой заминки и с особой, печально– нежной интонацией.

– Ты назвал трех девчонок. А в вагоне только две...

Попутчик печально покачал головой:

– Ты права, Таня. В этом все дело! Потому я и сказал тебе, что сегодня плохой день. Оля... она пропала! Мы были все вместе, отдыхали за городом, и Оля исчезла, понимаешь?

– Нет, пока ничего не понимаю. Как это – исчезла? Расскажи.

Мы и не заметили, как электричка остановилась у перрона маленькой станции – последней перед конечным пунктом нашего путешествия. Дверь вагона с лязгом открылась, но на платформе, которая освещалась единственным фонарем, не было ни души. Этот фонарь, оказавшийся прямо напротив нас, отражался в зрачках моего нового приятеля тревожными огоньками. Ловким щелчком Саша вышиб окурок наружу – да так, что он угодил прямехонько в кособокую урну, притулившуюся к фонарю. Класс! Я сделала то же самое, хотя и не с таким блестящим результатом.

Так и не дождавшись новых пассажиров, дверь захлопнулась, и мы тронулись дальше.

– Это странная история. Очень странная! Хотя даже не знаю, почему я так думаю. Ничего страшного пока не случилось, но... Вернее, нет доказательств, что случилось что-то страшное. Но мне почему-то очень тревожно...

Красивые глаза с беспокойным блеском приблизились ко мне:

– Не знаю, Таня, зачем только я тебе все это рассказываю? Чем ты можешь помочь? Ничем. Но мне необходимо с кем-то поговорить, я это сейчас понял. Просто...выговориться – так, кажется, по-русски? Спасибо, что слушаешь меня, ты добрая девушка...

Ну, не такая уж я добрая, чтобы все время это повторять, но... Меня так и разбирало сказать Саше, что если кто и сможет помочь в этом деле, то именно я. Однако сдержалась. Он, конечно, хороший парень, но зачем мне лишняя головная боль? К тому же – не оплаченная гонораром... Не стану же я, в самом деле, сдирать баксы с бедного африканского студента, он и так наверняка пострадал от недавнего финансового кризиса! Я уже поняла, что Саша Ренуа – не сын миллионера. А вот сама я, признаться, нынче не слишком нуждаюсь в средствах. На чеке, полученном несколько дней назад от моего последнего клиента, было не два нуля и даже не три. Так что...

Так что я ограничилась тем, что поощрительно похлопала Сашу по сильно «загорелой» руке. Несмотря на это мое «так что...», не терпелось услышать его «странную историю». Это у меня уже профессиональное, ничего с собой не подделаю!

– Правду говоря, Таня, рассказывать почти нечего. Две недели назад начался учебный год. Мы с друзьями не виделись два месяца. Ребята приехали, и мы договорились... как это... отметить встречу, понимаешь? Решили устроить пикник за городом. Погода хорошая, тепло... У Наташи – это девушка Роджера – бабушка живет в маленькой деревне... забыл, как она называется. На электричке ехать полтора часа. Там очень красиво, мы бывали раза два.

– Не страшно уезжать так далеко от Тарасова? Вы не похожи на местных механизаторов...

– «Механизаторов»? Ах да, понял... – Он усмехнулся. – Это точно, не похожи. Но мы как-то не думали об опасности. Место там тихое, людей почти нет. Одни старики. Я думаю, что в большом городе у иностранцев гораздо больше шансов вляпнуться в неприятности, чем в сельской местности.

– «Вляпаться», Саша, надо говорить – «вляпаться в неприятности» или «влипнуть». Пожалуй, ты прав. И не только у иностранцев.

– Ну вот! Тем более что мы совсем не слабаки – я и Роджер. Нари, он... Ладно, это неважно. В общем, обидеть нас не так просто. В деревню мы никогда не заходим, чтобы не пугать бабушку, – только девушки. Всегда идем от электрички вокруг деревни, по полю. Там, дальше, есть очень красивый лес и маленькая-маленькая речка... забыл это слово...

– Ручей?

– Да-да, ручей. Очень красиво, Таня! Мы всегда там отдыхаем. И в этот раз все было так же. Сначала все шло хорошо. Мы пили вино, болтали. Я вообще почти не пью, ты не думай, но с друзьями... Слово за слово... Я не помню, кто первый начал и как, но только вышел скандал. Ужасный скандал, Таня! Поссорились девочки – Света и Оля.

– Не слабо! Из-за чего?

– Разве это важно?

– Еще бы! Если уж начал рассказывать – говори все.

– Верно. Что тут скрывать... Они поссорились из-за Нары.

– Подожди, Саша, ты должен кое-что мне объяснить. Оля – твоя девушка, правда?

На черной физиономии «землячка» отразилось смущение, граничащее со смятением. Но тут он получил неожиданную подмогу: дверь, ведущая внутрь вагона, открылась, и из нее высунулась другая «чумазая» физиономия. Зыркнув в мою сторону, она бросила моему себе-

седнику несколько слов на неведомом мне языке. Конечно, в том смысле, что куда, мол, ты провалился? И верно: нас и так слишком долго никто не беспокоил.

Улыбнувшись, Саша махнул рукой на «третьего лишнего» и ответил по-русски:

– Иди, иди, мы тут с девушкой разговариваем!

– А-а... – «Раб» расплылся в широчайшей улыбке. – Здравствуйтэ!

Я тоже поприветствовала его, и он исчез – по-видимому, совершенно удовлетворенный. Нетрудно было догадаться, что того, кого я про себя окрестила «рабом», зовут Роджер: ссориться из-за такого экземпляра вряд ли придет в голову красивым девчонкам. Саша подтвердил мою догадку.

– А «красавчик» – это, стало быть, Нарі, – как бы про себя добавила я.

– «Красавчик»? – Александр Ренуа усмехнулся. – Видишь, и ты тоже... Да, Нарі красивый парень. Ни одна девушка не пройдет мимо! Вот ты спросила про Олю. Нет, Оля – не моя подруга. Я только хотел бы, чтоб это было так. Очень хотел...

Саша как-то беспомощно улыбнулся и посмотрел мне в глаза совсем по-детски:

– Да, она мне очень нравится, Таня. Ты догадалась, да? Но Оля... выбрала Нарі. Конечно! Как могло быть иначе?! Нарі – красавчик, ты сама сказала. И он белый.

– Брось, Шурик, не в том дело. Я ж тебе сказала: ты очень симпатичный. Это правда!

– Но я черный, Таня! У меня нет комплекса, я даже горжусь тем, что я негр, но... Все-таки вам, белым, никогда не понять, что это такое – быть чернокожим.

Я осторожно ответила, что никогда не задумывалась об этом, но, вероятно, он прав. Саша продолжил свой рассказ:

– Нарі и Оля, ее фамилия Вингер, учатся на одном курсе. Когда Нарі познакомил меня с ней, они уже... дружили. Поэтому я не мог ни на что надеяться. Хотя она мне сразу понравилась. Так я и молчал полтора года. Пока у них все было в порядке. Более-менее...

– Это надо понимать так, что у них не все было в порядке?

Саша ответил не сразу. Он смотрел в мутное стекло, за которым мелькали уже заводские окраины Тарасова. Так что на выяснение всех обстоятельств «странной истории» исчезновения Оли Вингер у нас осталось десять-пятнадцать минут, не больше. Кстати, почему мне кажется смутно знакомой эта фамилия?..

– Таня, мне нелегко говорить об этом. Ведь Нарі – мой друг... – Он покосился на дверь, за которой его дружок ворковал совсем с другой девицей. – Но он... в общем, он совсем не серьезный парень. Особенно – в отношениях с девушками. Да, ему нравилась Оля, он с ней дружил, но это не мешало Нарі встречаться и с другими тоже. Не знаю, о чем он думает? Как он может?! У него в голове один ветер!

Мне вдруг представилось, что Шурик говорит вовсе не о Нарі, а об Игорьке-теннисисте. Видно, все красавчики на свете «думают» не головами, а совсем другим местом. Хоть в России, хоть в Африке, хоть на Земле Франца-Иосифа!

– Конечно, Оля очень переживала. Плакала... Они с Нарі часто ссорились. Мне было ее жалко. Очень плохо было, Таня! Я пытался с ним говорить. Даже однажды ударил! Без толку... Нарі всегда отвечает одно и то же: ты, конечно, прав – то есть это я прав, – но что он может сделать, если он такой, какой есть? И еще как-то сказал, что его девушки любят и такого – несерьезного и неправильного. Вот ты, сказал он мне, такой серьезный и умный, а Оля спит не с тобой, а со мной!

– И за это ты ему дал по морде?

– Ну да...

– Правильно сделал. Знаешь, Саша, что я тебе скажу? Можешь на меня обижаться, только твой дружок Нарі – порядочная свинья!

– «Порядочная»?.. Как это, Таня? «Порядочный человек» – это понятно, но чтоб свинья...

– Здесь другое значение слова. «Порядочная свинья» – значит, большая свинья. Хорошо сформировавшаяся!

– Ах, вот что... Нет, Таня. Это не совсем так. Ты не знаешь его. Нари неплохой человек, только... только он слабый. Избалованный. Ему все в жизни давалось легко, вот он и привык... Я тебе еще не сказал: Нари – из богатой, известной семьи. Он сын министра правительства нашей страны. Очень влиятельного человека!

Во второй раз мне пришлось присвистнуть.

– Я думаю, Таня, теперь тебе многое станет понятно о нем. Нари сделали таким. Условия, в которых он жил. Люди, которые его окружали. Поэтому он и не знает настоящей, обычной жизни, не знает, как надо вести себя с людьми. Ему кажется, что он совершает самый обычный поступок, а на самом деле это поступок очень некрасивый, даже подлый... Ты понимаешь меня?

– Нет, Саша. Я просто не представляю, как можно делать другому человеку подлянку... ну, то есть подлость, и не догадываться об этом!

Саша Ренуа опять улыбнулся – грустно и мудро.

– Мы с тобой другие люди, Таня. Нормальные люди, я считаю. А Нари – из другого мира. Ему надо помочь стать нормальным человеком. И знаешь, прогресс уже есть! Если бы ты знала, каким он был три года назад, когда мы только познакомились – еще там, у нас, в университете... – Саша выдержал небольшую паузу. – Есть еще одна проблема, очень серьезная. Впрочем... Нет, это неважно... сейчас. Неважно, Таня.

Я не обратила внимания на его последние слова: признаться, тема нравственного возрождения богатого лоботряса и ловеласа с Черного континента уже порядком мне надоела.

– Ладно, Саша, бог с ним, с твоим Нарием. Расскажи мне лучше, что у него вышло с Олей и чем закончился сегодня ваш пикник. Видишь, мы уже подъезжаем к станции!

Цейтнот мобилизовал моего попутчика, и в оставшиеся до прибытия минуты он довольно толково изложил мне обстоятельства дела. Выглядело оно, в моей интерпретации, примерно так.

Бурный роман «папенькиного сыночка» Нари и Оли Вингер, полный мелких и крупных измен героя и страданий героини, их трагических размолвок и сладостных примирений, продолжался до тех самых пор, пока во втором семестре прошедшего учебного года у них на курсе не появился новый персонаж – красавица Света Красникова. Она перевелась в Тарасовский технический университет из другого вуза. Нари, естественно, тут же воспылал к ней чувствами, в очередной раз покинув Ольгу. И, кажется, теперь его увлечение оказалось серьезным. Светочка была из тех молодых, да ранних, которые своего не упустят. В общем, красавчик Нари крепко сел на крючок и заявил Ольге, что между ними все кончено: он любит Свету.

Не помогли ни истерики покинутой возлюбленной, ни обычная воспитательная работа со стороны друга Саши. Последнему Нари сказал прямо, что Оля ему больше не нужна и что он, Саша, может забирать ее себе, если хочет. После этих слов будущий доктор снова нарушил бы нормы профессиональной этики, приложив руку к смазливой физиономии друга, если бы между ними не встал Роджер. Последний, как я догадалась, был командирован на учебу в Россию в основном для того, чтобы выполнять при министерском сынке деликатные функции телохранителя-лакея-соглядатая.

В этой, безусловно, непростой ситуации дуреха Оленька поступила как нельзя хуже для всех. Она прикинулась, что не прочь поиграть в любовь с Сашей – и только для того, чтобы все время быть поблизости от его ветреного друга и «доставать» последнего. Шурик, непорочная душа, поначалу был на седьмом небе от счастья. Но очень скоро понял, чего в действительности добивалась злая девчонка, помешавшаяся от страсти. Будучи по природе добрым парнем и к тому же влюбленным в Ольгу (любовь зла!), он не мог просто плюнуть на нее и продолжал

играть неблагодарную роль «фиктивного друга». Нужно ли говорить, что для бедняги это была мука похлеще той, которую он терпел предыдущие полтора года?..

Страдал Шурик Ренуа. Бесилась Оля Вингер. Бесился Нари. Бесилась золотоволосая тигрица Света, которая вовсе не собиралась ни с кем делить свою добычу. И только простушка Наташа и ее Роджер, на которого никто больше не претендовал, как могли разряжали обстановку. Эта интернациональная компания, внешне такая милая, была на самом деле гремучей смесью взрывоопасных страстей, под большим давлением закачанных в один сосуд. И то и дело со свистом и шипением прорывающихся наружу... Достаточно было одной маленькой искорки, чтобы от их «дружбы» не осталось камня на камне.

В общем, не было ничего удивительного в том, что во время дружеского застолья на природе Света выплеснула в лицо Оле стакан вина, а та в ответ чуть не оторвала «подруге» косу. Неудивительной была и развязка: мужчинам пришлось применить силу, растащив разъяренных хищниц по разным углам зеленого «ринга». Вполне естественно прозвучали и последние реплики участниц. Света: «Если не оставишь его в покое – я тебя убью. Так и знай!» Ольга: «Ну это мы еще посмотрим!»

А вот что и вправду было удивительным и совсем неестественным, так это поведение Нари – этого вечного «яблока раздора». Дело в том, что во время сегодняшнего «девичьего переполоха» на лесной поляне Красавчик – совершенно очевидно для всех – принял сторону своей бывшей пассии. Именно он скрутил разбушевавшуюся Свету и заявил ей, что она «просто дура», раз поднимает «много шума из ничего». И даже прибавил, что если она не извинится перед Олей, то ему, Нари, придется пожалеть, что связался с ней. Ни больше, ни меньше.

«Тоже напугал! Ну и возвращайся к этой... плакать не буду!» – рывкнула Света и кинулась в лес. Нари пискнул «вернись!», но вдогонку не побежал...

Признаюсь: все это плохо вязалось с той идиллической картинкой, какую я только что сама наблюдала в вагоне электрички: рука в руке, голова к голове. Но не верить Саше у меня не было оснований. Во-первых, он вообще врать не умеет. Во-вторых, зачем человеку врать случайной попутчице?

Впрочем, все ведь легко объясняется: последующее тревожное событие – исчезновение Ольги – примирило всех: и друзей, и любовников. Милые бранятся – только тешатся...

А тревожные события развивались следующим образом. Сразу после демарша Светы Красниковой в лесную чащу Оля крикнула: «А пошли вы все!..», вырвалась из объятий Саши и бросилась в другую сторону. Верный Шурик рванулся было за ней, но Нари его удержал: пусть девчонки проветрятся да очухаются. Пары, мол, уже выпущены, поревут – и успокоятся. Да и побежали они в разные стороны.

Но прошло больше получаса, а девчонки не возвращались. Сильная половина поняла, что поискать их все же придется. Роджера с Наташей оставили сторожить «лагерь», а двое покинутых подружками молодых людей углубились в лес. Саша хотел разделить, но Нари настоял, чтобы они шли вместе, причем сначала по следам Светланы, потому как она, мол, была «больше злая». Минут через пятнадцать ребята нашли ее сидящей под кустом – заплаканную, но уже почти успокоившуюся. Нари бросился к ней, и Шурик счел за благо удалиться.

Он не помнил, сколько времени бродил в одиночестве по лесочку в поисках Ольги. Очнулся только тогда, когда под еще густыми кронами лиственной рощицы стало сумеречно и прохладно. Оказалось, что скоро осень: для конца сентября время не раннее. Тогда Саша Ренуа вернулся в лагерь, в душе надеясь, что его безответная любовь давно уже там. На полянке все были в сборе и в уже заметном волнении. Все, кроме Оли...

Волнение еще больше усилилось, когда компания поняла, что Ольга исчезла всерьез. Девочки предположили, что она просто психанула и уехала в город, никого не предупредив. Это было похоже на правду, и не только потому, что вполне «укладывалось» в характер Ольги. Это было вероятно еще и потому, что она убежала именно в сторону деревни и железной

дороги. Вещей на поляне у девушки не осталось, куртка была на ней, деньги при себе имелись. Так почему бы, в самом деле, и не уехать «по-английски»? Тем более что перед этим ты сама послала всю свою компашку подальше...

Друзья ухватились за эту версию как за спасительную соломинку. Но все же решили для очистки совести поискать беглянку еще: до последней электрички оставалось немного времени. И примерно до половины девятого все пятеро шарили по роще и берегу ручейка – уже в густых сумерках...

– Разумеется, ничего не нашли? – спросила я.

– Только вот это...

Саша вынул руку из кармана и разжал ладонь. На ней лежала дешевая пластмассовая заколка для волос в форме раковины, какую сегодня можно купить у любого торговца бижутерией.

– Ее заколка? Где вы это разыскали?

– На берегу ручья. Может, это ничего и не значит: эта штука часто падала, и в таком состоянии Оля легко могла ее потерять. Она лежала как раз у мостика через ручей. Если бы Оля возвращалась на станцию или в деревню, она прошла бы в этом самом месте. Но в деревне она больше не появлялась – Наташа специально заходила к бабушке спросить.

– Ну, значит, она действительно вернулась в город, Саня. Мне это кажется вполне вероятным. Сам подумай: если она не уехала на электричке, то куда она подевалась?.. Послушай, а может, Оля села в попутную машину? Дорога там есть?

– Нет, там ездят только сельские машины. Асфальта нет. Где большая трасса, я не знаю. Мне кажется, далеко.

– Тогда этот вариант маловероятен. Слушай, скажи-ка мне... Раз уж ты сам рассказал эту историю, я хочу прояснить все до конца. Понимаешь?

Он кивнул.

– Саша, может быть, ты знаешь что-то такое, о чем еще не рассказал? Все-таки ты знаком с Олей Вингер уже два года. Может, в ее прошлом есть какая-то тайна? Может, у нее есть враги? Или у ее родителей? Кстати, кто ее родители – ты знаешь? Они богаты?

– Родители Оли? Нет, что ты! – Саша энергично замотал головой. – Обычные люди. Работают на каком-то заводе, забыл название... Инженеры. Кажется, подолгу не получают зарплату, как и многие люди в России. Это ужасно!

Неожиданно и без того большие карие глаза расширились от страха:

– Ты намекаешь на похищение, Таня?!

– Брось, ни на что я не намекаю, – сказала я как можно беспечнее и успокоительно похлопала его по плечу. – Наоборот, пытаюсь убедить тебя, что твоя милая давным-давно дома. И даже не думает о том, как она вас напугала. Совсем скоро вы в этом убедитесь.

Я и в самом деле ни на что не намекала. Честно сказать, судьба взбалмошной девицы Оли Вингер меня несколько не волновала. Но этого чернокожего парня мне было по-настоящему жаль, и хотелось, чтобы у него все было хорошо. Совершенно неожиданно для меня самой он разбудил какие-то приятные, давно не звучавшие струны моей души. Я чувствовала себя мудрой старшей сестрой юного брата, которого у меня никогда не было.

– У нее есть телефон, Саша?

– Нет, только у соседки. Туда можно звонить, но... сейчас это не совсем удобно. Она старушка, а уже поздно... Мы решили, что лучше будет съездить и узнать, дома ли Оля. Это недалеко от вокзала, у Центрального рынка.

– Вы правильно решили, так будет лучше. Ну, вот мы и приехали, Шурик.

Я глянула наружу, на медленно проплывавший мимо нас освещенный перрон, и опять встретилась глазами со своим попутчиком.

– Спасибо тебе за компанию, братишка. Я желаю, чтобы все твои неприятности поскорее закончились. Будь счастлив!

– Если бы так было... Спасибо тебе, Таня! – Он осторожно взял меня за плечи и потянулся ко мне. – Ты очень добрая девушка, я уже говорил. Можно?..

– Ты повторяешь это даже чаще, чем нужно. Валяй!

Его губы легко коснулись моей щеки. Плотные курчавые волосы, подбритые на висках, пахли свежим ветерком и немного – его ароматными сигаретами. Эта Оля Вингер просто набитая дура! Если бы он не был таким чистым влюбленным мальчиком, я, пожалуй, не посмотрела бы, что он негр и вообще годится мне в младшие братья...

– Ой, у меня же сумка в вагоне!.. Знаешь, не стоит, наверное, знакомить меня с твоими друзьями. Ситуация неподходящая.

Попутчик спросил, может ли он проводить меня хотя бы до транспорта, но я решительно отказалась. Романтика ночного путешествия закончилась, и приятные струны души звучали все глуше. Проза жизни брала верх.

У самой двери, ведущей в «брюхо» вагона, я неожиданно оттеснила Сашу обратно в тамбур, пропуская спешащих на выход мужиков с ведрами и мешками.

– Постой-ка... А кто из вас нашел эту заколку?

– Заколку?.. – Саша не сразу связал чудное словцо из женского лексикона с ерундовым предметом, который показывал мне несколько минут назад. – Ах, это... Нарю нашел.

– Так-так... Если я тебя правильно поняла, это случилось незадолго перед тем, как вы тронулись на станцию, да? То есть было уже совсем темно?

– Ну-у... Не совсем, но почти темно, да. Было примерно восемь вечера. А там нет электрического освещения.

– Ясно. И как же Нарю в темноте удалось найти такую маленькую вещицу? Да еще в густой траве... У него был фонарик?

– Нет, никто из нас не взял фонарик: мы не собирались задерживаться до темноты. Не знаю, как он... Я и сам удивился. Наверное, просто повезло.

– Наверное. Ты был с ним в это время?

– Да, почти рядом. Нарю сказал, что посмотрит на другом берегу ручья, и пошел к мосту. Через минуту или две он закричал, что нашел кое-что. Я подбежал, а за мной остальные. В руке у Нарю была эта... заколка, правильно? А почему ты об этом спрашиваешь?

– Да так, просто интересно. Ну, идем.

Четыре пары глаз оценивающе посмотрели сначала на меня, потом на Сашу – с одним и тем же выражением: «Ну, парень, ты времени даром не теряешь!» Но никто из них никак не прокомментировал наше полуторачасовое стояние в тамбуре. Только красавчик Нарю задержал на мне свой томный взгляд дольше других. Да Роджер – на правах знакомого – улыбнулся зубов этак на двадцать восемь – тридцать. Должна признать: все они для такой улыбки годились.

Я намеренно провозилась со своей сумкой дольше необходимого, чтобы «великолепная пятерка» вышла первой. В дверях Саша Ренуа, уже нагруженный одним из рюкзаков, улыбнулся мне и махнул рукой.

«Вот так. А я-то считала его славным парнем... Даже телефон не попросил, черный нахал!» – без печали и тоски подумала я. Домой, домой! Выпить кофе, принять ванну...

Он нагнал меня почти на самой остановке. И как только углядел в вечной вокзальной толпе, да еще ночью?

– Таня! Танечка... – Бывший тринадцатый пассажир запыхался, но выглядел счастливым оттого, что изловил меня за рукав ветровки. – Я дурак! Совсем забыл... Я могу тебя увидеть еще? Я должен... Пожалуйста, дай мне свой телефон.

Я колебалась всего пару секунд, прежде чем достала из бумажника маленький кусочек картона и засунула во внутренний карман его куртки: «Здесь все, что тебе нужно. Потом посмотришь».

Эту визитку я уже несколько дней таскала отдельно от других и успела порядком засалить. Приготовила, чтобы кое-кому вручить, но ту встречу пришлось отложить. Уголки карточки затерлись и загнулись, и вдобавок, дожидаясь на днях своей очереди в салоне красоты, я от нечего делать подрисовала черной пастой фигуристые «хвостики» к буквам собственного громкого имени. Серьезному клиенту такое уже не подсунешь, а для Шурика сойдет.

Никогда я не даю свои координаты случайным знакомым – это железное правило, и прежде всего – правило безопасности! Но сейчас почему-то была уверена, что моя визитка попала в надежные руки.

Через десять минут, подъезжая в пустом троллейбусе к дому, я уже жалела о своей беспечности. Ох, наживешь ты себе «скорых волнений», девка... На том клочке картона, который исчез в кармане африканского студента Сани Ренуа, над номером моего домашнего телефона было написано:

«ИВАНОВА
Татьяна Александровна,
частный детектив...»

Глава 2

Утро вечера мудренее

Быть может, вы думаете, что все частные сыщики обожают по ночам предаваться слежкам, погоням и непрошеным визитам в чужие квартиры и офисы – то бишь грязной работе в экстремальных условиях? Тогда советую вам задать себе простой вопрос: а если бы частным сыщиком был я? Стоит вам честно ответить на него, и вы поймете: ваши потребности в ночном отдыхе не уменьшились бы нисколько. Пожалуй, даже наоборот.

Вот так же и я, несмотря на свою лицензию частного детектива, ночью люблю поспать – как любая другая не обремененная болезнями, семейными обязанностями и материальными проблемами женщина двадцати семи лет от роду. За исключением, разумеется, тех неординарных ночей, которые бывают предназначены совсем для другого. Тогда я сплю днем.

Ночь, о которой я веду разговор, явно не относилась к разряду экстраординарных. И потому, когда на самой середке этой ночи в мой сладкий безгрешный сон врубился телефонный звонок, я не сдержалась и помянула свою любимую профессию причудливым набором шипящих согласных.

Конечно, я уже и думать забыла об Александре Ренуа и его «странной истории». И все-таки своего недавнего попутчика узнала, еще не проснувшись:

– Сашка, черт!!! Да ты с ума сошел: два часа ночи! Для этого, что ли, я тебе дала свой телефон?!

– Таня... Извини меня, пожалуйста, извини... Я все понимаю, но... Пожалуйста, выслушай меня! Случилось ужасное, Таня.

Едва ко мне вернулась способность соображать, я удивилась, как это мне удалось узнать его голос. Он совершенно изменился: то ли от страха, то ли от горя, то ли просто от телефона.

– Ладно, успокойся. Говори толком, что произошло.

– Оля не вернулась домой! Она действительно пропала, Таня. Я думаю, с ней случилось что-то ужасное. Я боюсь...

– Подожди, подожди. Да возьми же ты себя в руки, парень! Почему ты так думаешь? Ведь она могла поехать ночевать не домой, а к родственникам или к какой-нибудь подруге, разве не так?

– Нет, Танечка, нет! Могла бы, но куда она не поехала. Я знаю! – Смятенный голос негра понизился до трагического шепота: – Ее убили, Таня! И я знаю, кто это сделал.

– Знаешь?!.

– Да! То есть... я думаю, что знаю. Я не хочу в это верить. Боюсь... Но у меня есть доказательство, Таня! Помоги мне...

– Какое доказательство? Ты это серьезно? Да скажи мне наконец, что ты все ходишь вокруг да около!

– Нет, не по телефону. Это слишком опасно...

По звуку его голоса я поняла, что он оглядывается по сторонам. Наверное, звонит прямо из общежития: там внизу должен быть автомат, как во всякой приличной общаге. Для уличного телефона в трубке слишком тихо.

– Мы должны увидеться, Таня. Как можно скорее! Я тебе все расскажу. Только ты сможешь мне помочь. Я прочитал твою карточку. Это просто здорово, что мы с тобой встретились! Ты сможешь мне, правда, Таня?

Его прочувствованная речь совершенно не подразумевала грубого отказа, поэтому у меня не было выбора.

– Конечно, Шурик. Обязательно встретимся. Только ты, надеюсь, все-таки разрешишь мне поспать до утра? Честно говоря, сейчас из меня плохой помощник.

Мне показалось, он был разочарован, что я не назначила встречу немедленно. Вообще я не переставала удивляться сама себе. Чтобы я в ночь-полночь такой паинькой разговаривала с парнем, разбудившим меня самым нахальным образом? Да еще с кем – с каким-то африканцем, о котором я вчера не имела даже никакого понятия! Да еще и ни словом не обмолвилась о том, что каждый час моей помощи стоит почти семнадцать «зелененьких», не считая накладных расходов. Правда, я не мелочусь и называю потенциальным клиентам сразу суточную таксу – двести долларов.

Вот уж воистину: пути Господни неисповедимы! В самом деле, что ли, я собираюсь заделаться ему старшей сестрицей?

Не без труда мы сговорились наконец на встречу в одиннадцать часов утра в небольшом кафе поблизости от его общаги. В этом районе и в этот час меня вряд ли кто опознает, в то время как эффектная белая девушка в обществе молодого негра вызовет подозрения разве что у махровых расистов.

– Надеюсь, – спросила я на прощание, – ты не проболтался своим друзьям, кто я такая, и никому не показывал мою визитку?

– Ну что ты, Таня! Я же понимаю, это секрет, особенно теперь... Да я и сам, честно говоря, прочитал твою карточку только что. И сразу бросился тебе звонить. Кому я скажу – все уже давно спят... Спасибо тебе за все, Танечка! Извини, пожалуйста, что разбудил тебя.

– Ладно уж... Иди спать, Шурик. Утро вечера мудренее. Отыщем твою Ольгу, бог даст. И помни: никому про меня ни слова!

– Помню, помню. Я только... Да нет, ничего. Спокойной ночи, Танечка, до встречи. Целую тебя!

Он повесил трубку.

– Дурачок, – устало сказала я в пустоту, подающую короткие тревожные сигналы.

* * *

Проснулась я на удивление рано – в десятом часу. Особенно если учесть, что моя ночь разорвана была странным телефонным звонком человека, который наверняка набивается мне в бесплатные клиенты.

То, что звонок был странный, я по-настоящему поняла только теперь. Ну, Шурик! Поднял бедную девушку с постели, наговорил с три короба всяких кошмаров про убийства... И – ни единого факта! А голос дрожал так, будто он только что видел привидение... Вот еще чудо гороховое! Вернее, «шоколадное».

Ладно, посмотрим, что он мне расскажет при встрече. Тогда уж и будем делать выводы. Однако, если я хочу опоздать на эту встречу не больше чем на полчаса и при этом не посрамить земли русской, надо шевелиться.

Телефонный звонок застал меня уже в прихожей – надевающей перед большим зеркалом роскошную шляпу, стоившую изрядной части моего предпоследнего гонорара. Бедному студенту Саше Ренуа никогда не купить мне такую шляпу, но все же хотелось ему понравиться.

Я с досадой швырнула на табурет уже почти установленное на голове архитектурное сооружение из французского бархата, кружев и перьев: разговаривать по телефону в шляпе, закрывающей оба уха, не совсем удобно. Должно быть, этот пацан решил удостовериться, что я не собираюсь проспаться условленную встречу.

Нет, это был не Шурик... Но явно кто-то из этого же рода! Голос с хорошо уже знакомым мне центральноафриканским акцентом, но более низкий, чем у Саши, с безупречной вежливостью осведомился, имеет ли он честь говорить с госпожой Татьяной Ивановой, частным «дэт-

эктивом». Я подтвердила, что именно эту честь он в настоящий момент и имеет, и в свою очередь поинтересовалась, с кем я имею честь. Начало получилось обнадеживающим.

– Мое имя Рэй Лионовски. Я аспирант Тарасовского технического университета и председатель землячества студентов из... – Он назвал ту же самую страну, которую вчера расхваливал мне Саша. – Прежде всего я должен просить прощения за беспокойство... О, быть может, вы догадываетесь о причинах моего звонка?

Я ответила – ни в малейшей степени. Если это и было враньем, то лишь самую малость: в самом деле, откуда мне знать, зачем я понадобилась какому-то Рэю Лионовски, или как его там? Но сердце сжалось от нехорошего предчувствия...

– Да-да, разумеется, – поспешно согласился Рэй. – Сейчас я вам все объясню. Но сначала прошу вас ответить на один вопрос. Возможно, это только недоразумение, и мне не придется ничего объяснять, а просто еще раз извиниться, что побеспокоил вас, – вот и все...

Его акцент был чувствительнее, чем у моего вчерашнего знакомого: должно быть, «великий и могучий» Рэй начал учить не в детстве, а попозже. Но трудные русские фразы он строил почти так же безукоризненно.

– Скажите, пожалуйста, госпожа Татьяна: вы знакомы с моим земляком Александром Ренуа?

Я быстро сообразила, что сейчас вранье только запутает дело.

– Да, я знакома с ним. Но не могу понять, откуда это известно вам и почему, собственно, вас это интересует?

– Так я и думал...

Рэй произнес это уже не таким официально-вежливым, а более мягким тоном, не обратив никакого внимания на мой укол.

– Вы поймете сейчас, почему я об этом спрашиваю. Мне тяжело говорить, но я должен... Дело в том, что... Произошло большое несчастье, Таня. Александр погиб.

– Что?..

Глупый вопрос. Я же прекрасно слышала, что сказал этот парень, и он, конечно, не шутит. И я знала это с самого начала, когда услышала в трубке чужой иностранный голос.

Но я должна была узнать об этом еще раньше – когда Саша был жив! Ведь он позвонил мне среди ночи, он просил моей помощи, хотел встретиться, а я... Я отмахнулась от него. Да просто не врубилась: лень было как следует проснуться. А убийца не поленился. Эх ты, «дэтэктив»...

– Простите, я потрясена... Когда это случилось? Как?

– Сегодня ночью. Говорят, между тремя часами и половиной четвертого. Выпал из окна своей комнаты в общежитии. Он жил на пятом этаже.

– О боже...

– Простите. Мне очень жаль. Александр был вашим другом?

– Нет. Он не успел... Мы познакомились только вчера, в поезде. Он был просто хорошим человеком.

– О да, вы правы: он был очень хорошим человеком. Я в отличие от вас могу сказать, что Ренуа был моим другом. Представляете, как мне сейчас тяжело...

Голос Рэя Лионовски приглушила душевная боль, однако он быстро с нею справился:

– Но я, разумеется, не затем позвонил вам, Татьяна, чтобы вы посочувствовали мне. Мне кажется, у нас есть причина встретиться и кое-что обсудить. Это касается смерти Александра.

Я чувствовала себя так паршиво, что было все равно – встречаться или не встречаться с этим неизвестным Лионовски.

– Хорошо, давайте встретимся. Но что мы будем обсуждать? Мне ничего не известно о его смерти.

– Разумеется. Но мы могли бы, например, обсудить условия, на которых вы согласитесь расследовать обстоятельства и причины гибели Ренуа. Мне они кажутся... м-м... довольно странными. Ведь это ваша профессия, не так ли? Вы меня понимаете? – добавил он, так как я продолжала молчать, не вполне еще придя в себя.

Вот оно что: оказывается, Рэй Лионовски желает нанять меня.

– Да, теперь понимаю. Ну что ж... Я должна была встретиться с Сашей сейчас – там, в ваших краях. Кафе «Элита» на перекрестке двух Садовых улиц. Я уже собиралась на эту встречу, когда вы позвонили, Рэй...

– Понимаю. Это очень печально, очень... Но давайте не будем отменять ее, хорошо? Я приду туда вместо моего друга. Время и место меня вполне устраивают. Как я вас узнаю?

– На мне будет шляпа с пером, – машинально ответила я.

– Шляпа с пером? Прекрасно. – Мне показалось, что он улыбнулся. – Ну, а на мне будет зеленый шарф. Вы не ошибетесь, потому что все остальные африканцы носят белые шарфы. Или в крайнем случае малиновые. До встречи, Таня. Я вас жду.

Я положила трубку. И только тут сообразила, что сижу на своей великолепной шляпе, которой надлежало стать моим опознавательным знаком. Двести семьдесят пять «зелененьких» теперь можно смело отправить как «гуманитарную помощь» соседской кошке – на уютное гнездышко для малышей. А, к черту! Бедный Шурик Ренуа потерял гораздо больше.

Я прикрыла ладонью веки. И увидела его печальные глаза, добрую мальчишескую улыбку. «Это долгая история. Может быть, когда-нибудь я вам расскажу... если будет такая возможность».

Не будет. Никогда уже ты не расскажешь мне, братишка, историю любви твоей белой мамы и твоего черного папы. Не расскажешь и другую, криминальную, которую все пыривался рассказать сегодня ночью. «Только ты сможешь мне помочь... Ты сможешь мне, правда, Таня?»

Неправда. Не смогла я тебе помочь, бедный Саня. Вернее, не захотела. И ты никогда теперь не скажешь мне, какая сволочь тебя убила и за что. За какое такое «доказательство». А ты его и правда раздобыл, теперь я это точно знаю.

Только вчера мы курили с тобой в одном тамбуре и болтали, и я держала тебя за руку, а ты потом чмокнул меня в щеку. И ты мне, черт возьми, нравился, хотя ты негр, и совсем еще зеленый мальчишка, и был влюблен в эту Олю, которая и слезинки твоей не стоит...

Только вчера! Еще и суток не прошло... И где ты теперь? В морге, наверное. Брр!

Но я узнаю правду. За гонорар или просто так, но я доберусь до твоего убийцы, «землячок»! Это теперь для меня дело чести.

Оля Вингер. Оля-Оленька... «Странная история». Второй раз за последние сутки слышу я эти слова. Сначала их произнес Саша по поводу исчезновения своей подружки, а теперь вот – этот Рэй Лионовски, уже о смерти самого Шурика. Только, похоже, история сия одна и та же. И если я выясню, кому нужна была эта негритянская потаскушка, – Господи, прости! – то я узнаю и имя той твари, которая оставила без сына дядюшку Ренуа на далеком острове. Пока еще не представляю, с какого конца, но до этой твари я доберусь!

Я вновь взглянула на себя в зеркало. Что ж, придется надеть другую шляпу – без пера. Хорошо еще, что мистер Рэй догадался указать мне на свои отличительные признаки.

Стоп, а откуда ему стало известно про меня? Получается, Саня все-таки проболтался кому-то обо мне, хоть и клялся-божился держать рот на замке?... А может, кто-то случайно увидел у него мою визитку. Это более вероятно: парнишка неопытный, в криминальных делах не мастак, бросил карточку где-нибудь на видном месте – вот она и попала на глаза тому, кто вовсе не должен был ее видеть...

Господи, моя визитка!!! Она же была у парня, которого нашли мертвым! Я сама дала ее за несколько часов до его смерти... Конечно, моя карточка уже в руках у ментов или гэбистов,

они непременно должны были найти ее – либо на трупе, либо в комнате погибшего среди вещей. Я погибла!

Нет. Должны были, но... Если бы «они» нашли мою визитку, то, конечно, давно были бы у меня, не дав мне проснуться естественным образом. Вернее, я была бы у них. Но компетентные органы до настоящего момента моей скромной персоной не заинтересовались. Значит...

Значит, моей карточки у убитого не было. Так где же она? Ведь бедняга звонил мне совсем незадолго до своего ужасного конца и сказал, что только-только заглянул в визитку...

Ответ мог быть только один: она находится у убийцы. Как говорится, хрен редьки не слаще!

Рэй Лионовски ни словом не обмолвился о том, что смерть Ренуа была насильственной. Но мне и не надо ничего говорить: я это и так знала.

Одним словом, в этом деле, которое еще и не начинала, я уже засветилась в лучшем виде. Остается гадать, кто первый меня сцапает – «те» или «эти».

Вот тебе, Танечка, и «утро вечера мудренее»! «Намудрила» сама себе волнений. А ты-то, дурочка, похоже, размечталась, что все обойдется вчерашним теннисистом...

Глава 3

Бедный Саша

Внутренность кафе «Элита», где раньше мне бывать не приходилось, едва ли соответствовала столь обязывающему названию. Но вот о клиентах заведения я бы этого не сказала. Нет, ни за что не сказала бы!

В дальнем углу зала за деревянным столиком без скатерти – в «народном» стиле – лицом к двери сидел единственный посетитель. Увидев меня, он тут же поднялся на ноги. Одного беглого взгляда на него мне было достаточно, чтобы определить: передо мной – элитный экземпляр.

Высокого крупного мужчину украшал длинный шелковый шарф изумрудного цвета. Он составлял неплохой ансамбль с черным плащом нараспашку, стоившим, наверное, побольше утраченной мною шляпы, с черной водолазкой и пышной волнистой шевелюрой той же масти, «припудренной» на висках благородной сединой.

На вид Рэю Лионовски было около тридцати пяти. «Староват для аспиранта», – отметила я. Про рост я уже сказала: хоть и не Сабонис, но «на высоту такую, милая, ты не посмотришь высоко», даже будучи, как теперь, на каблуках. А плечи явно не нуждаются ни в каких портняжных ухищрениях, чтобы казаться шире. Но самым примечательным в его облике было, конечно, лицо. Я никогда не предполагала, что сочетание типично негритянских черт – грубоватых и чувственных – с самой обычной белой кожей может быть таким «убойным»! Сочетание было неожиданным, притягательным и... каким-то пугающим. В довершение ко всему с левой стороны это лицо пересекал – наискосок от лба к уху – старый шрам. Он был еле заметен, но неправильно изломанная левая бровь так и осталась навечно приподнятой, отчего крупное лицо Рэя имело насмешливо-надменное выражение. Этаким африканский Мефистофель...

Словом, от этого лица невозможно было отвести глаз. Да я и не пыталась это делать, пока приближалась к нему по проходу между столиками. Терпеть не могу вступать с такими «демоническими» мужчинами в деловые отношения. Но, похоже, выбирать мне сейчас не приходится.

Стараясь, чтобы моя вежливая улыбка была прохладнее, я протянула руку и назвала свое имя. Загадала: поцелует или нет? Если поцелует – значит... впрочем, неважно.

Осторожно сжав мою ладонь и пристально глядя в глаза, Лионовски произнес, что ему «очень приятно». Потом, все так же не отрывая глаз от моего лица, лишь слегка наклонившись, прижался к моей руке губами...

Черт побери, у него же изумрудные глаза! Так вот зачем ему понадобился этот шарф...

Рэй пододвинул мне стул:

– Где же ваша обещанная шляпа с пером?

– Увы, она попала в аварию. Хорошо, что вы сообщили мне свою приметку, иначе я ни за что не нашла бы вас в такой толпе!

Мы оба засмеялись, хотя и довольно натянуто.

– И бог с ней, с той шляпой: поверьте, эта идет вам ничуть не меньше. И вообще... дело не в шляпе. Вы очень красивая женщина, Таня. Вам, конечно, это хорошо известно. А я, если честно, не ожидал.

Знаю, знаю. Ты, конечно, должен был сказать это. Старо как мир, мистер Рэй! Но улыбаешься ты очень даже сексапильно... И ты, разумеется, тоже это знаешь.

– Почему это вы не ожидали? Разве в России мало красивых женщин?

– Ну что вы! По этому «показателю» ваша страна уж точно первая в мире. Но в моем представлении женщина-дэтэктив – это... это... – Рэй смешно сморщил нос и пощелкал паль-

цами, подбирая нужные слова, – это что-то... одним словом, мало похожее на женщину. Вы уж простите меня, Танечка! Правда, я никогда раньше не встречался с женщиной-сыщиком. И теперь вижу, как ужасно ошибался!

Его зеленые глаза непрерывно сверлили меня, и улыбался он все более обворожительно. Да и за словом мой потенциальный клиент в карман не лезет. Даже – за русским!

– Конечно, ошибались, Рэй. Женщина-детектив должна владеть всеми видами оружия. В особенности теми, против которых мужчины бессильны.

– Знаете что, дэтэктив? Я хотел бы сдать вам без сопротивления и прямо сейчас.

Рэй шутливо поднял над столом руки. Они выглядели холеными, но, сдастся мне, эта ухоженность была обманчивой...

– А вы не спешите сдаваться, мистер Лионовски. Сопротивление врага только обостряет радость победы.

– Вот как? А вы азартный человек, Татьяна... – Он положил руки на стол и подался ко мне: – Только в одном вы не правы: я вам не враг. Я – друг, Таня! Надеюсь, вы в этом не сомневаетесь?

– Пока нет причин. – Я продемонстрировала клиенту, что тоже умею улыбаться. – Может быть, перейдем к делу, Рэй?

– А вот теперь вы спешите, Таня. Дело от нас никуда не уйдет. И спешка уже ничего не исправит.

Улыбка слетела с лица Лионовски. Он отвел сразу потемневшие глаза, а руки сжались в кулаки.

– Выпьете что-нибудь, Таня? Я бы не отказался сейчас. Честно говоря, чувствую себя ужасно... после всего этого. Меня же разбудили в шесть часов. Все утро беседовал с милицией и ФСБ. Вы не представляете, что мне пришлось пережить...

– Я-то как раз представляю. Если не возражаете, мне, пожалуйста, коньяк.

– Разумеется.

Он только махнул рукой. И через шесть секунд, не больше, потрепанная девица в розовом форменном «элитном» передничке, под который она, кажется, забыла надеть юбку, принесла не две рюмочки коричневой жидкости, а целую бутылку. И к ней – несколько ломтиков лимона на блюдечке, два больших золотистых персика, шоколад и штук шесть пирожных. Все это было приправлено пожеланием приятного аппетита и улыбочкой, которая адресовалась, разумеется, не мне. Как видно, мистер Лионовски был здесь тем клиентом, которым дорожат.

– Прошу, Танечка. Извините, я заказал на свой вкус: обожаю сладкое. Пирожные должны быть неплохими.

Рэй налил, и мы, не чокаясь, выпили за упокой бедной души раба божия Александра Ренуа. Вспомнив об ужасной причине нашего знакомства, мы оба сидели мрачнее тучи. Я с трудом боролась с выступавшими слезами. Рэй тоже выглядел неважнецки: конечно же, чудовищная смерть друга потрясла его, как бы он ни бодрился. Я только теперь заметила у него под глазами темные круги – результат бессонной ночи и пережитого горя.

– Рэй, вы... видели его?

Он сразу понял, что я имею в виду. Коротко кивнул – и отвернулся. Сказал глухо:

– Они попросили меня опознать тело. Никто из наших ребят не смог... пойти туда. Если это хоть немного утешит вас, могу сказать, что лицо его совсем не пострадало. Он выглядел как спящий.

– Но как это все случилось? Что известно? Что говорят свидетели? Ведь это же, черт возьми, студенческое общежитие, а не какой-нибудь заброшенный склад, там полно народу!

– Вы правы. И все-таки, как ни странно, никто ничего не видел и не слышал. Никаких свидетелей, Таня! Была ведь глубокая ночь. Даже раннее утро. В такое время не спят либо больные, либо... очень занятые люди. Наверное, со здоровьем у студентов все в порядке, ну а

занятым было не до того. Один парень – кажется, с третьего этажа – слышал со своей подружкой какой-то шум за окном, будто пролетело что-то тяжелое. Но они не обратили внимания: мало ли что выбросят студенты из окна... Даже не выглянули. Только вряд ли они увидели бы что-то в темноте: там под окнами густые кусты. А дальше стоят высокие деревья – как стена. Так что из дома напротив тоже никто ничего увидеть не мог.

Рэй помолчал с минуту. Похрустел пальцами, покусал губы.

– Только в шестом часу тело нашел какой-то мужчина, случайный прохожий. Ему не спалось, и он вышел рано погулять с собакой. Собака и потащила его в кусты... Вот так все это было, Танечка.

– А разве Саша ночевал у себя в комнате один?

– Именно так. Учебный год только начался, еще не все иностранцы приехали. Недисциплинированный народ! Так что одно место у них в комнате было пока не занято. А русский мальчик, с которым Александр жил два года, уехал на уик-энд к родителям.

– А тот парень, который был так занят со своей подружкой... Разве он не слышал крик? Ведь должен был! Когда человек падает из окна, он не может...

Внезапно я вспомнила нечто еще более важное:

– Рэй, в комнате должны были остаться следы борьбы! Хоть что-нибудь, что указывало бы на насильственную смерть!

Лионовски смотрел на меня как-то странно и молчал. Наконец с силой потер переносицу костяшками пальцев – будто принимал трудное решение. Медленно покачал головой:

– Нет, Таня. В комнате был полный порядок, как всегда. Александр Ренуа очень аккуратный человек, это все знали. Только окно было раскрыто. И, кажется, будильник упал на пол – наверно, на подоконнике стоял. Так сказал мне следователь. И крика никто не слышал. Потому что... потому что он не мог кричать.

– Не мог? Но почему?!

Мой собеседник еще больше понизил голос, хотя – по понятным причинам – мы и так разговаривали чуть слышно.

– Я еще не все рассказал вам, Таня. Перед тем как Ренуа выпал из окна, ему ввели смертельную дозу какого-то сильнодействующего наркотика. Название я не запомнил – плохо в этом разбираюсь. Бедняга все равно умер бы.

– Это чудовищно, Рэй!

– Да, ужасно. Но самое главное – все выглядит так, как будто он сам это сделал. Кажется, следствие намерено придерживаться версии самоубийства. Теперь вы понимаете...

– Но это же полная ерунда! Ведь Саша не был наркоманом, правда?

– Конечно, не был. Как хорошо вы его называете – Саша... Теперь вы понимаете, Таня, почему я хочу, чтобы вы распутали это дело. Кстати, почему вы не спрашиваете, откуда я узнал про вас?

– Жду, когда вы сами расскажете.

– Нет, вы просто молодец, дэтэktiv! – Рэй тряхнул головой и усмехнулся. – Пожалуй, мне все-таки придется сдаться на вашу милость... Все очень просто: сегодня ночью, поздно, Александр позвонил мне и кое-что рассказал. Это был странный звонок. Так мне тогда показалось – он же поднял меня с постели... Но теперь я думаю, что звонок был связан с гибелью Саши. Тем более что погиб он очень скоро после того, как позвонил мне.

«Какое совпадение! – подумала я. – Ну, прямо все как у меня».

– Может, я был даже последним, кто говорил с ним. Кроме убийцы, конечно... Если вообще там был убийца.

Я была так заинтригована этим Сашиним звонком другу, что пропустила мимо ушей последние слова Рэя.

– Куда же он вам звонил? В общежитие, что ли?

– Нет, конечно. У меня есть комната в общежитии, но... Там я появляюсь довольно редко. Общежитие есть общежитие, сами понимаете. А у меня серьезная научная работа, нужна тишина. Словом, я снимаю квартиру – здесь недалеко, на Политехнической. И институт рядом, и общежитие – очень удобно. И даже телефон есть.

– Понятненько. А разве иностранцам разрешается?

– Ну-у... Не то чтобы очень, но в некоторых случаях не запрещают. Я говорю о дипломниках и аспирантах. Должно быть, деканат имеет довольно высокое мнение о моих научных способностях. А ФСБ – о моей лояльности! – Лионовски опять усмехнулся.

– Рада за вас. И что же сказал вам Саша Ренуа? И в котором часу это было? Вспомните, пожалуйста, точно.

– Точно? Тут и вспоминать нечего: я положил трубку в два тридцать две... или тридцать три минуты. Если телефонный звонок будит тебя ночью, ты обязательно посмотришь на часы. А о чем он говорил... Вам тоже надо точно или можно своими словами?

– Валяйте своими словами, но точно.

– Так... Услышав мой голос, он сказал: «Извини, Рэй, это Ренуа. Надо поговорить». Я ответил, что он сумасшедший, что я только-только стал засыпать. Засиделся допоздна, Таня: у меня завтра встреча с научным руководителем, готовлюсь... Но он перебил меня: «Извини, но дело очень срочное. Произошло чрезвычайное событие, в котором замешан наш студент. Будет скандал, и я должен предупредить тебя как руководителя землячества и как друга». Конечно, я спросил – какое событие, какой скандал и почему с этим нельзя было подождать до утра. Но Ренуа ничего не собирался рассказывать мне по телефону. Только повторил, что речь идет об очень серьезном происшествии, он даже произнес слово «преступление». Что в любой момент могут вмешаться милиция «и даже более серьезная организация». А до утра нельзя было ждать потому, что утром надо «действовать». Он сказал еще, что утром, как можно раньше, нам надо обязательно поговорить, а потом будет очень хорошо, если я пойду вместе с ним на одну очень важную встречу.

– Какую встречу?

– Конечно, на встречу с вами, Таня! «С частным детективом, – сказал он, – который поможет нам в этом деле». Он уже сам все решил, оказывается! И все это он вывалил мне на голову в половине третьего ночи, можете себе представить?! Если бы я знал, что мне придется пойти на эту встречу, но – без него...

– И что же, Саша назвал вам мое имя, фамилию, телефон?

– О нет! Конечно, нет. Только имя. Да и то мне показалось, что это вышло у него случайно. Когда я услышал про детектива, я... я просто в ужас пришел! Пожалуйста, поймите меня правильно, Танечка. Вам совершенно неожиданно, посреди ночи, сообщают «радостное» известие, что в вашей семье случился скандал, и тут же говорят, что обо всем этом уже известно какому-то сыщику. Да тут свихнуться можно! Конечно, я ответил – должно быть, слишком резко, – что он окончательно сошел с ума, если, не посоветовавшись со мной, доверил такое деликатное дело какой-то ищейке. А Ренуа возразил: это никакой не «ищейка», а девушка-детектив, которая заслуживает полного доверия. «Таня очень хороший человек, – сказал он, – я знаю, что она обязательно поможет нам».

Я усмехнулась:

– Полагаю, мистер Лионовски, вас не утешила информация, что детектив – женщина?

– Вы угадали, Танечка. Мало того, что частный сыщик, так еще и девушка! С которой Александр, по собственному его признанию, познакомился случайно... Ни для кого не секрет, что бедняге все вокруг казались людьми хорошими и добрыми. Вот почему я так удивился, когда он позвонил мне этой ночью... и был так встревожен и расстроен. Подозревать кого-то в чем-то плохом – это так не похоже на Сашу Ренуа! Боюсь, Таня, что именно доверчивость

его и погубила. Но в отношении вас мой бедный друг был абсолютно прав, теперь я в этом не сомневаюсь!

Рэй Лионовски снова улыбался – самой «мужской» из всех возможных улыбок. Печаль о погибшем друге и жажда справедливого мщения удивительно уживались в нем со стремлением нравиться интересующей его женщине. Ведь то, что я интересовала его как женщина, а не только как «дэтэktiv», было очевидно. А в общем-то, что тут удивительного? Таковы все мужики, пока они живы.

Господи, а разве ты-то сама не такая?! Только что глаза были на мокром месте – и вот уже почти кокетничаешь с этим африканцем, который так откровенно закидывает удочки в твой огород! Но если бы молодая жизнь Саши Ренуа не оборвалась так нелепо и страшно, то на месте Рэя сейчас сидел бы он, и ты, Танечка, точно так же охмуряла его. Охмуряла, охмуряла бы, не отпирайся! Как все-таки погано, подло устроен человек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.